

Ю.Н. Цыряпкина*

Y.N. Tsyryapkina*

**«Эпоха социализма»
в исторической памяти населения
постсоветского Узбекистана**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-5-20

УДК 39 (470)

Выходные данные для цитирования:

Цыряпкина Ю.Н. «Эпоха социализма» в исторической памяти населения постсоветского Узбекистана // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 238–248. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-20.pdf>

**Attitudes Towards the Socialism Era
in Post-Soviet Uzbekistan: a Study
of Historical Memory**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-5-20

How to cite:

Tsyryapkina Y.N. Attitudes Towards the Socialism Era in Post-Soviet Uzbekistan: a Study of Historical Memory // Historical Courier, 2020, No. 5 (13), pp. 238–248. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-20.pdf>

Abstract. The article explores the question of how the “era of socialism” is reflected in the historical memory of the population of post-Soviet Uzbekistan based on the recollections of old-timers in the city of Angren, Tashkent region. The main approaches to examining the Soviet past and the politics of memory in Russia, where the “era of socialism” is presented in the Russian public consciousness as a cultural and historical heritage were fixed in the article. In Uzbekistan, the policy of memory is submitted to the goals of the sovereignization of social and political life, the strengthening of the national state and the legitimation of the political elite. One of the elements of the new collective identity and the politics of memory in Uzbekistan was the criticism of the actions of the Russian Empire in the region, as well as individual initiatives of the Soviet leadership in the Uzbek SSR. It is shown that there was desovietization of urban space in Uzbekistan. An alternative view of the memory of socialism at the micro level is revealed in the article, based on the memories of old-timers about their life in Angren during the Soviet period. The industrial and resource importance of Angren during the Soviet period, as well as changes in its social and urban infrastructure in the post-Soviet period are considered. In the memories of the Angren old-timers, several common narratives are highlighted in description of the city in the “era of socialism”: the developed urban infrastructure, life standard, living conditions in Angren were higher than in the places where the respondents came from (the small towns of the Urals, the Kazakh SSR, rural settlements of various regions of the RSFSR). The respondents with nostalgia highlighted the values formed during the Soviet period: internationalism, “friendship of peoples”, good-neighborliness. The memories about shared holidays in Soviet times, the idea of equality, the same financial status were significant for the respondents. The desovietization of urban space in Angren was expressed in the process of renaming streets, the names of which gave a reference to Soviet political history. The idea that the Soviet city symbols are still involved in the daily life of Angren residents proved in the article. Based on the research findings the author concludes that the perception of the memory of the Soviet era by the Russian-speaking residents of Angren shows that their “view from the bottom” does not always coincide with the official interpretation of Soviet history and the old-timers have nostalgia for the bygone time in terms of socio-economic and cultural aspects made based on the fulfilled research.

Keywords: historical memory; socialism; nostalgia; post-socialist society; resymbolisation; desovietization.

The article has been received by the editor on 12.07.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* Цыряпкина Юлия Николаевна, кандидат исторических наук, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия, e-mail: guzvenko@yandex.ru

Tsyryapkina Yulia N. Candidate of Historical Sciences, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, e-mail: guzvenko@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос о том, как отражается «эпоха социализма» в исторической памяти населения постсоветского Узбекистана на основе воспоминаний старожилов г. Ангрен Ташкентской области. Зафиксированы основные подходы к рассмотрению советского прошлого и политики памяти в России, где «эпоха социализма» присутствует в российском общественном сознании в качестве культурно-исторического наследия. В Узбекистане политика памяти подчинена целям суверенизации общественно-политической жизни, укреплению национального государства и легитимации политической элиты. Одним из элементов новой коллективной идентичности и политики памяти в Узбекистане стала критика мероприятий Российской империи в регионе, а также отдельных инициатив советского руководства в Узбекской ССР. Показано, что в Узбекистане происходила десоветизация городского пространства. Рассматривается производственно-ресурсное значение Ангрена в советскую эпоху, а также изменение его социальной и городской инфраструктуры в постсоветский период. В статье на основе воспоминаний старожилов о своей жизни в Ангрене в советский период выявляется альтернативный взгляд на память о социализме на микроуровне. В воспоминаниях ангренинских старожилов выделяется несколько общих нарративов в описании города: развитая городская инфраструктура, уровень жизни, бытовые условия в Ангрене были выше, чем в местах выхода респондентов из небольших городов Урала, Казахской ССР, сельских населенных пунктов различных областей РСФСР. Респонденты с ностальгией выделяли сформировавшиеся в советский период ценности: интернационализм, «дружба народов», добрососедство. Значимым для опрошенных являлись воспоминания о совместных праздниках в советское время, идеи равенства, одинаковое материальное положение. Десоветизация городского пространства в Ангрене выразилась в процессе переименования улиц, названия которых давали отсылку к советской политической истории. В статье доказывается, что советские городские символы по-прежнему задействованы в повседневной жизни жителей Ангрена. На основе проведенного исследования были сделаны выводы о том, что восприятие памяти о советской эпохе русскоязычными жителями Ангрена показывает, что их «взгляд снизу» не всегда совпадает с официальной трактовкой советской истории и у старожилов прослеживается ностальгия об ушедшем времени по социально-экономическим и культурным аспектам.

Ключевые слова: историческая память; социализм; ностальгия; постсоциалистическое общество; ресимволизация; десоветизация.

В 2021 г. исполнится 30 лет после распада Советского Союза, эта символическая дата подталкивает к новому переосмыслению недавнего прошлого и его отражения в исторической памяти жителей бывших советских республик. Различные аспекты воспроизводства памяти о социалистической эпохе, являвшейся противоречивым периодом истории XX в., особенно в странах Восточной Европы и Балтии, стали одной из ведущих тем социальных исследований – историков, социологов, антропологов. Некоторые опубликованные работы признаны классическими¹.

В странах Европы после распада социалистической системы началось систематическое изучение событий периода социализма и памяти об ушедшей эпохе в республиках, ранее входивших в т.н. коммунистический блок. Связано это в большой степени с перепрофилированием огромного штата советологов, вынужденных после завершения холодной войны искать новую «оптику» для своих научных исследований и экспертного анализа. Одним из плодотворных направлений стало изучение памяти (в рамках Memory Studies) о социализме, связанных с этой эпохой ностальгии и травмы на материале стран Восточной Европы и Прибалтики².

---

¹ *Berdahl D.* On the Social Life of Postsocialism: Memory, Consumption, Germany. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 2010. 166 p.; *Eglitis D., Ardava L.* The Politics of Memory: Remembering the Baltic Way 20 Years after 1989 // *Europe-Asia Studies*. August 2012. 64 (6). P. 1033–1059.

В современной России советский период истории является предметом повышенного общественного и научного интереса. При этом академическое осмысление феномена социализма, памяти об этом периоде, интерпретации нарратива о ностальгии по ушедшей эпохе не успевает за востребованностью символов советского периода в российской повседневности. Неослабевающая общественная рефлексия советского прошлого в 1990-е–2000-е гг. привела к появлению целого культурного пласта, в рамках которого осмысливается период социализма (имеются в виду такие проекты, как «Намедни» Л. Парфенова, документальные циклы, посвященные советской истории и др.). В культурно-туристической сфере память об эпохе социализма в России успешно коммерциализируется и монетизируется, особенно в рамках «парадного» варианта ностальгии по СССР. Несмотря на тот факт, что воспоминания о советском/социалистическом периоде постепенно бледнеют в коллективной памяти, в России наиболее распространен «парадный» вариант памяти о социализме, при этом российский дискурс отличает эмоциональность в исторических оценках данного периода.

Память об эпохе социализма чаще всего изучается и интерпретируется как одно из звеньев построения российской национальной идеи. Все чаще обосновывается мысль, что советское прошлое в какой-то степени легитимирует нынешнюю политическую власть, советское прошлое присутствует в российском общественном сознании, современные политические элиты стремятся актуализировать советские символы³. Во всех публикациях, в которых так или иначе затрагивается отношение к советскому прошлому в России, огромный акцент делается на осмыслении феномена ностальгии по советским временам, которая присуща российскому обществу⁴. Часть экспертов сходятся во мнении, что в России не удастся создать дистанцию с советским прошлым, соответственно, не представлено объективное и всестороннее рассмотрение многих исторических процессов⁵.

После распада СССР в центральноазиатских республиках стала формироваться актуальная для постсоветского общества политика памяти. Ее повестка была связана с процессом укрепления идей национальной независимости. В республиках региона с самого начала был выбран вариант политики памяти, направленный на забывание советского, что позволяло суверенным государствам дистанцироваться от России и советского наследия. Один из вариантов символического абстрагирования от наследия Российской империи и СССР продемонстрировала национальная идеология суверенного Узбекистана.

Политика памяти в Узбекистане в 1990-е – середине 2010-х гг. После распада СССР правительство Узбекистана берет курс на суверенизацию общественно-политической жизни. В республике строится узбекское национальное государство, базирующееся на идее ядра узбекского этноса, его истории, культуры и языка, другими словами на ценностях «узбекчилик» (узбекскость). Согласно государственной идеологии, консолидация нации в постсоветском Узбекистане происходит на основе принятия всеми этническими группами ценностей «узбекчилик». В Конституции Республики Узбекистан подчеркивается равенство всех граждан вне зависимости от их этнической или конфессиональной принадлежности (ст. 18). Модель нации-государства, взятая на вооружение правительством первого президента Ислама Каримова, борьба с религиозным экстремизмом в 1990-е гг., не позволили политизи-

² Bartmanski D. Successful Icons of Failed Time: Rethinking Post-Communist Nostalgia // Acta Sociologica. 2011. Vol. 10. No. 3. No. 54. P. 71–78.

³ Калинин И. Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2010. № 6(74). С. 6–16.

⁴ Топоркова О. Россия и Германия: ностальгия по социалистическому прошлому // Современная Европа. 2012. № 1. С. 74–85; Абрамов Р.Н. Музеефикация советского: историческая травма или ностальгия? // Человек. 2013. № 5. С. 99–111.

⁵ Абашин С.Н. Мустакиллик и память об имперском прошлом: проходя по залам ташкентского Музея памяти жертв репрессий // Неприкосновенный запас. 2009. № 4 (66). С. 37–54; Ушакин С. Отстраивая историю: советское сегодня // Неприкосновенный запас. 2011. № 6 (80). С. 10–16.

ровать ислам, он оказался в сфере бытовой культуры и в какой-то степени на том же положении, что и в СССР⁶.

Для легитимации идей независимости, которые легли в основу национальной идеологии первого президента И.А. Каримова, стала формироваться коллективная идентичность и целенаправленная политика памяти⁷. Одним из неоспоримых элементов национальной идеологии Узбекистана считается официальная жесткая критика имперской политики в регионе, а также отдельных мероприятий советского руководства (к примеру, критика репрессивной политики СССР воплотилась в основание Музея памяти жертв репрессий в 2008 г. в Ташкенте). По мнению российского антрополога С.Н. Абашина, Узбекистан в период нахождения у власти первого президента И.А. Каримова в этом вопросе занимал самую последовательную позицию среди республик региона, которая выражалась в десоветизации, десимволизации городского пространства, а именно переименовании улиц и площадей, из публичной жизни вытеснялись советские праздники, советское кино, литература, музыка и др.⁸

В обновленной версии прошлого акцентировалось внимание на «теме страдания» в имперский период в Туркестане, что четко прослеживалось в публикациях отдельных узбекских авторов⁹. В 2010-е гг. в исторических трудах узбекских исследователей смягчаются оценки периода вхождения Центральной Азии в состав Российской империи, наметилась тенденция признания многих позитивных для коренных народов последствий как имперского, так и советского периода истории региона¹⁰.

Зафиксировав основные тенденции в формировании политики памяти как одного из средств построения новой национальной идентичности в Узбекистане, автор статьи основной задачей ставит выявление многоголосой социальной памяти о социализме на микроуровне, опираясь на воспоминания старожилов о своей жизни в городской среде Узбекистана в советский период. Статья написана на основе привлечения воспоминаний респондентов из г. Ангрэн Ташкентской области, находящегося примерно в 100 км от столицы Республики Узбекистан – г. Ташкент, в Ахангаранской долине между Чаткальским и Кураминскими хребтами Тянь-Шаня в пойме одноименной реки.

Воспоминания русскоязычных респондентов о городе в советское время собирались в 2012–2015 гг. в рамках исследовательской программы автора, посвященной изучению этнокультурных особенностей «русских» в постсоветском Узбекистане. «Русские» / русскоязычные (в Узбекистане в повседневной жизни их чаще всего называют «европейцами». – Ю. Ц.) – это некоренные этнические группы региона, к которым относятся кроме русских татары, корейцы, немцы, евреи и др. Это особый тип социокультурной идентичности, узбеки, таджики и другие этнические группы также могут разделять ее посредством приобщения к европейским ценностям через знание русского языка.

Необходимо пояснить, что Ангрэн является конечным городом Ташкентской области на пути в Ферганскую долину, соответственно, он расположен на стратегически важной автомобильной трассе, связывающей Ташкент с городами «золотой чаши» Узбекистана. Его возникновение связано с открытием в 1933 г. залежей бурого угля во время всестороннего изучения и освоения природных ископаемых Средней Азии¹¹. Разведывательные работы в долине р. Ангрэн начались в 1940 г., а через год полным ходом развернулось строительство

⁶ Даудов А.Х., Алимжанов Б.А., Андреев А.А., Шорохов В.А., Янченко Д.Г. Государственная политика идентичности в Узбекистане в позднесоветское время в эпоху независимости // Этнографическое обозрение. 2018. № 5. С. 150.

⁷ Абаши С.Н. Мустакиллик... С. 37–54.

⁸ Абаши С.Н. Узбекистан после СССР // Звезда. 2015. № 8. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2015/8/uzbekistan-posle-sssr.html> (последнее посещение 26.07.2020).

⁹ Исаков Ф. Центральная Азия и Россия в XVIII – нач. XX в. Ташкент, 2009. 292 с.

¹⁰ Муртазаева Р. Толерантность как интегрирующий фактор в многонациональном Узбекистане. Ташкент: Узбекистан, 2010. 152 с.

¹¹ Цыряпкина Ю.Н. Русскоязычное население Ташкентской области в условиях «национализирующегося государства» (на примере г. Ангрэна) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-2 (80). С. 99.

рудника «Ангренуголь», возле которого сформировался поселок «Ангреншахтострой»¹². Архивные документы свидетельствуют, что разведывательными операциями накануне войны в 1941 г. в Ахангаранской долине руководили лично секретарь ЦК ВКП (б) И.В. Сталин и заместитель председателя СНК Союза ССР Л.П. Берия¹³. В преддверии войны руководство СССР убистряло темпы индустриализации Средней Азии и Казахстана, активно занималось освоением новых залежей полезных ископаемых, чтобы превратить регион в самостоятельный народно-хозяйственный комплекс¹⁴. На всех этапах индустриализации региона ощущалась острая потребность в угле.

В период с 1940 по 1943 г. было заложено несколько шахт по добыче угля и в Ташкент по железной дороге стали отправляться первые эшелоны из «узбекской кочегарки». В 1946 г. Ангрен был преобразован в город областного подчинения, который объявили народной стройкой. Из многих районов Узбекистана, Средней Азии, РСФСР и других союзных республик приезжали строители для возведения угольно-промышленного комплекса республики.

В нем были построены крупные промышленные объекты: угольные шахты, резинотехнический комбинат, Ангренская государственная районная электростанция (ГРЭС), Новоангренская ГРЭС, керамический комбинат, цементный и другие заводы, Золотоизвлекательная фабрика (ныне Ангренское рудоуправление – отделение Алмалыкского горно-металлургического комбината. – Ю. Ц.), специализирующаяся на добыче золота, Подземгаз и др. В непосредственной близости от Ангрена был построен город Янгиабад, в котором проживали рабочие, задействованные на урановом производстве. В советское время в Янгиабаде находились магазины московского обеспечения, снабжающие население близлежащего города и сельских населенных пунктов (кишлаков) дефицитными товарами. К началу 1980-х гг. Ангрен превратился из шахтерского города в индустриальный центр с обеспеченной социальной инфраструктурой, быстро застраиваемыми микрорайонами. По данным переписи населения 1989 г. в Ангрене проживало 137 218 человек, среди которых узбеков – 43 374 (31,5 %), русских – 43 218 (31,4 %), таджиков – 18 163 (13,1 %), украинцев – 2 794 (2 %), татар – 11 503 (8,3 %) ¹⁵. В городе сформировался полиэтничный состав, но при этом гомогенный с точки зрения социокультурной идентичности – это были преимущественно русскоязычные жители, задействованные на промышленных предприятиях Ангрена.

В 1990-е гг. произошло разрушение промышленной базы Ангрена в большей степени из-за разрыва народнохозяйственных связей центра (Москвы) и союзных республик. Полностью перестал работать Керамический комбинат, Резинотехника и другие предприятия. Фактически до создания Свободной экономической зоны в Ангрене в 2012 г. работал Угольный разрез, Ангренское рудоуправление Алмалыкского горно-металлургического комбината (бывшая Золотоизвлекательная фабрика), Подземгаз и другие немногочисленные предприятия. Экономические трудности спровоцировали отток жителей из города, но при этом численность населения в Ангрене выросла в постсоветский период. Например, на 1 января 2014 г. в городе уже проживало 175 434 человека, среди которых насчитывалось узбеков – 128 679 (73,3 %), русских – 4 297 (2,4%), таджиков – 29 376 (16,7 %), корейцев – 8 236 (4,7 %), татар – 1185 (0,6 %) и др. ¹⁶ В постсоветский период город заселяется жителями из близлежащих населенных пунктов, приезжих из городов и кишлаков Ферганской долины.

Городские изменения в суверенный период носили значительный характер. Примерно с 1993–1994 гг. в Ангрене в неполную силу работали городские коммунальные службы, в

¹² История новых городов Узбекистана: Ташкентская область / отв. ред. Г.Р. Рашидов. Ташкент: Фан, 1976. С. 110–111.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 25а. Д. 3096. Л. 63.

¹⁴ Цыряпкина Ю.Н. Роль русского языка в ходе индустриализации советской Средней Азии (на примере Ташкентской области) // Казанская наука. 2015. № 6. С.48.

¹⁵ Перепись населения 1989 г. Ангрен. С. 8.

¹⁶ Материалы предоставлены государственным комитетом по статистике Республики Узбекистан № 01/3-13-07/3-280 от 5 октября 2015 г.

отдельных районах города отсутствовало отопление и горячая вода. До 2013–2014 гг. дорожное покрытие на проезжей части было неотремонтированным. Какие элементы прошлого чаще всего вспоминали старожилы Ангрена о советском периоде? В ответах респондентов идет отсылка на воспоминания о своеобразной городской атмосфере, присущей советскому Ангрени, далее – в воспоминаниях акцентируется внимание на бытовых условиях и возможностях Ангрена.

История Ангрена в воспоминаниях его жителей свидетельствует о том, что город наполнился выходцами из различных регионов СССР. Большинство записанных биографических данных старожилов принадлежит выходцам из Урала и Таджикистана, сюда приезжали горнорудные специалисты, проходчики, шахтеры, строители и представители других технических специальностей. В целом Ангрэн был типичным советским рабочим (первоначально шахтерским) городом.

Воспоминания о городе записывались автором статьи в период с 2012 по 2015 г., во время президентства И.А. Каримова, в городе уже ощущались первые положительные изменения в связи с введением Свободной экономической зоны в Ангрени, но не все коммунальные проблемы удалось решить. В указанный период было записано около 27 интервью с русскоязычными жителями Ангрена, среди них большая часть проживала в городе в советское время.

В воспоминаниях старожилов можно выделить несколько общих нарративов, которые чаще всего ими упоминаются, связанных с социально-экономическим развитием города, а также с социокультурной ситуацией в советский период.

Развитая городская инфраструктура, бытовые условия в Ангрени в советское время и уровень жизни были выше, чем в небольших городах и сельской местности РСФСР и других союзных республик. Респондент Р. переехал в Ангрэн в 1983 г. из Вакульевского района Курганской области, очень эмоционально описал свои ощущения во время первого посещения Узбекистана: «Когда я первый раз приехал в Узбекистан, я подумал, что попал за границу. До этого я был в Прибалтике, в Волгограде, Москве, Ленинграде... И я, действительно, поразились, насколько народ хорошо тут жил, насколько люди были здесь празднично одетые, веселые, ну Восток всегда любит яркую одежду, блестящую. Это не то, что там грязные фуфайки, кирзовые сапоги, шапки-ушанки и вечно пьяные мужики. Когда я приехал в Ангрэн, тут контраст еще больше. Тут рядом янгибадские рудники, там было московское обеспечение. В Ангрени обеспечение было в 10 раз лучше, чем в городах Уральской России»¹⁷. Магазины с московским обеспечением в Янгибаде, находящемся в 13 км от Ангрена, вспоминают практически все респонденты разных возрастных групп, проживавшие в городе в советский период. Самые дефицитные товары можно было с легкостью купить жителям Ангрена, некоторые респонденты отмечали, что приобретенные в Ангрени дефицитные вещи отправляли родственникам в РСФСР.

Примерно так же описывает условия жизни в Ангрени респондент З., приехавшая с семьей в город в 1977 г. из Карпинска Свердловской области (около 350 км от Екатеринбурга. – Ю. Ц.): «да, что нам очень понравилось, когда мы приехали [в Ангрэн], мы в Карпинске-то жили, у нас вроде и благоустроенное жилище считалось, у нас была холодная вода и отопление, и титан, который надо дровами топить. А тут приехали – газ, горячая вода, это было для нас прямо рай, и мы прямо не задумывались. Летом мы были [в Ангрени], а в ноябре вернулись, все собрали и приехали снова [в Ангрэн]»¹⁸.

Анализируя биографии ангренинских старожилов, необходимо отметить, что они попадали в Ангрэн через систему оргнаборов, когда в город отправлялись специалисты необходимых рабоче-технических специальностей (шахтеры, проходчики, водители, инженеры, строители и др.), учителя, воспитатели, медицинские работники, а также приезжали по наводке родственников, которые ранее обустроились в Ангрени, т.к. в таких стремительно строя-

¹⁷ Полевые материалы автора 2013. Республика Узбекистан, Ангрэн. Р., 64 г., татарин, пенсионер, высшее, преподаватель.

¹⁸ Там же. Ангрэн. З., 71 г., татарка, пенсионер, среднее специальное образование, медицинский работник.

щихся городах можно было быстро получить жилье и работу. Судя по полученным биографическим данным опрошенных жителей Ангрена, в период с конца 1940-х по начало 1980-х гг. приезжали специалисты из сельской местности и небольших городов Урала (Североуральск, Карпинск), из Прокопьевска Кемеровской области, где также была развита угольная промышленность, из сельских населенных пунктов Алтайского края, из Семипалатинска и Чимкента Казахской ССР. Восприятие бытовых условий и новых возможностей в Ангрене в советский период было позитивным, поскольку в местах исхода респондентов или их родителей условия жизни были гораздо хуже.

В нарративах старожилов города неоднократно упоминались **советские ценности**. Каждый из респондентов вкладывал свое понимание и приводил свои примеры той атмосферы, которая царил в Ангрене в кварталах, в частном секторе, в соседской микросреде. Советские ценности сводились к идеям интернационализма, дружбы народов, уважения к старшим, идеям подлинного равноправия.

Из интервью респондента А., немец, 38 л.: «До 1990 г., до распада, конечно, было лучше. Ну как лучше, в то время было все стандартно, у всех есть квартира, у всех есть кружка, у всех есть пиалушка [чашка для чая без ручек полусферической формы. – Ю. Ц.], ну относительно, конечно. Люди были дружные тогда, это сейчас как кошки с собаками. Каждый своим бытом живет»¹⁹. Респондент, рассуждая о разобщенности между соседями в своей нынешней микросреде, объясняет это социальным расслоением, свойственным для эпохи постсоциализма.

Из интервью Г., татарка, 32 г.: «На праздник 9 мая, у нас он называется День памяти и почести, вот, я столкнулась с одним таким старичком-ветераном, мы с ним общались на русском языке, хотя я ему дала понять, что я владею узбекским языком, я старалась на узбекском говорить. Он все равно уперто на русском говорил и говорил о тех былых временах [имеет в виду советскую эпоху – Ю. Ц.], как хорошо все было. И вот это вспоминал, мы же как дружили всеми народами, все было замечательно, никто ничего не делил, общей семьей жили дружно, другие принципы были. Даже у меня бабушка говорила, рассказывала. В прежние времена звонков не было на дверях, даже в частном секторе в домах элементарно ни засов, ни замок какой-нибудь, палочку вставляешь, чтобы человек знал, что хозяина нет, чтобы не ломился... Настолько люди честные были, добросовестные, добропорядочные и всегда у меня бабушка говорила: «Сосед зайдет, идем-идем-идем, заходи-заходи». Всегда этот чайник стоит, вода кипит, всегда эта доброжелательность была, гостеприимство»²⁰. В данном интервью также подчеркивается значение равных условий жизни: «никто ничего не делил», отсутствие социального расслоения и, как следствие, большая открытость соседей в общении. Кроме этого, в повседневной ностальгии часто упоминаются общие интернациональные ценности, выражавшиеся в формуле «дружбы народов». Здесь необходимо отметить, что российские исследователи склоняются к мысли, что сложившаяся при И. Каримове республиканская идентичность во многом копирует идентичность, характерную для позднесоветской модели национального государства²¹. Она выражается в лозунгах «Узбекистан – страна межнациональной и религиозной толерантности» и реализуется через мероприятия национально-культурных центров, входящих в Республиканский интернациональный культурный центр. Другими словами, советский интернационализм в несколько модифицированном виде возродился в постсоветском Узбекистане в формуле «Узбекистан – страна толерантности». Однако часть опрошенных респондентов с ностальгией вспоминают именно советский вариант межэтнического диалога.

¹⁹ Полевые материалы автора 2013. Республика Узбекистан, Ангрэн. А., немец, 38 л., среднее специальное образование, электрик.

²⁰ Там же. Ангрэн. Г., 32 г., татарка, высшее, учитель.

²¹ Даудов А.Х., Алимжанов Б.А., Андреев А.А., Шорохов В.А., Янченко Д.Г. Государственная политика идентичности в Узбекистане в позднесоветское время в эпоху независимости // Этнографическое обозрение. 2018. № 5. С. 155.

В интервью И., татарин, 40 лет, на вопрос, какие изменения произошли после распада СССР в городе, ответил так: «Изменения? Честно сказать? Народ стал злой, малообщительный, каждый стал жить своей жизнью, такого нету, как раньше. Раньше, если гулянки, праздники – народ весь, все вместе, как гуляли, отдыхали, общались. Сейчас такого нету. То ли, вот это нехватка, то, что ну все равно независимость стала, честно скажу, жить стали намного хуже, не немного, а гораздо хуже»²². Респондент И. напрямую связывает изменения коммуникаций в социокультурной среде города после распада СССР с экономическими трудностями, которые свойственны всем республикам в Центральной Азии. Ностальгия по праздникам, отмечавшимся в СССР, затрагивалась не только этим респондентом. В Узбекистане в период суверенитета в разряд общегосударственных праздников попали 7 дат, среди которых Навруз (21 марта), а также День независимости Узбекистана (Мустакиллик), отмечающийся ежегодно 1 сентября, 9 мая – День памяти и почестей, празднуются с особым размахом. Накануне 1 сентября праздничные мероприятия проходят в рабочих коллективах в учреждениях и предприятиях, во время празднования Навруза жителями отдельных домов варится сумалак [главное праздничное блюдо Навруза, готовится из пророщенных зерен пшеницы – Ю. Ц.]. Массовые мероприятия во время официальных праздников, которые были свойственны советской эпохе с ее торжественными шествиями и парадами, в постсоветском Узбекистане ограничены по причинам безопасности. Хотя с 2014 г. в столице республики ежегодно проводится шествие «Бессмертного полка» 9 мая в День памяти и почестей. В 2020 г. в честь 75-летней годовщины победы над фашизмом президент Ш.М. Мирзиёев открыл новый парк Победы в Ташкенте.

Описывая свою нынешнюю микросреду в Ангрене, некоторые респонденты с ностальгией вспоминают добрососедство, которое поддерживалось в советское время. Из интервью Н., 53 г., русская: «мы в Саманном [частный сектор Ангрена] жили в своем доме, очень хорошие были у нас соседи... Очень дружно, хорошо жили... мы, с одной стороны, крымские татары, у нас с ними не через улицу калитка была, а прямо во дворе...мы свободно друг к другу ходили. Вот таджики жили, с другой стороны, ну везде националы [так в Узбекистане в повседневной жизни называют коренное население региона, указывается на принадлежность к НАЦИОНАЛЬНОЙ социокультурной идентичности. – Ю. Ц.], но мы очень хорошо жили, очень дружно»²³.

Отдельные респонденты отмечают, что культура уважения старших, которая присуща традиционным семьям, стала размываться в повседневной жизни, отягощенной сложными социально-экономическими условиями жизни, тяжелой работой. Из интервью И., татарин, 40 л.: «И.: Такого взаимопонимания среди людей нету и уважения к старшим нету. Ю. Ц.: То есть Вы считаете, что нет уважения к старшим здесь? И.: Практически уже не осталось. Я вот водитель автобуса, я это в зеркале вижу. Молодой пацан еще только от мамкиной, как говорится, груди оторвался, будет сидеть на сиденье, а в возрасте мужик стоит над ним. Под шестьдесят лет мужику – он ему место не уступит. Слово ему скажи, пацан отвечает: “Я точно так же двенадцать часов отработал”. Я говорю: “Ты! Но ты – молодой, стой, давай, уступи старику”. “Он в возрасте, он еще не старый”. Все – нет уважения. Так ведут себя что националы, что европейцы – разницы нету. Уважения к старшим сейчас здесь нету, как раньше здесь было»²⁴.

Локализованная история города в памяти старожилов показывает, что на микроуровне существует альтернативный взгляд на память об ушедшей эпохе, в которой отдельные элементы прошлого вспоминаются в позитивном ключе. Один из респондентов заметила, что у коренного населения города часто проскальзывает народная мудрость: «Кажется, жили при коммунизме и не заметили этого»²⁵.

²² Полевые материалы автора 2014. Республика Узбекистан, Ангрен. И., татарин, 40 л., водитель, среднее.

²³ Полевые материалы автора 2012. Республика Узбекистан, Ангрен. Н., русская, 53 г., инженер, среднее специальное.

²⁴ Там же.

Другим важным аспектом политики памяти в Узбекистане является ресимволизация знаковых мест городского пространства или десоветизация пространства. В каждом городе Узбекистана, как и в других республиках Центральной Азии, были переименованы улицы и площади, чьи названия были связаны с советской эпохой. Официальное переименование улиц произошло и в Ангрене, но носило выборочный характер.

Город в советское время застраивался квартальным способом, что отразилось и на его адресной карте. В Ангрене адресация построена по нумерации кварталов (вместо улиц): 5/3, 5/4, 5/5, 6/4, 3/2, 2/2 и т.д., следующий пункт – нумерация домов внутри каждого квартала. Главный проспект города ул. Чикрызова был назван в честь д-ра геол.-минер. наук Григория Степановича Чикрызова, который в 1940 г. руководил геологоразведочной экспедицией, определившей объемы промышленных запасов угля на месте нынешнего города Ангрена. Под его руководством была построена первая угольная шахта в 1940 г., что стало началом истории поселка «Ангреншахтстрой», превратившегося в 1946 г. в город. Главная улица города не подвергалась переименованию. С советского времени около главного проспекта, в непосредственной близости от Хокимиата [Администрация города. – Ю. Ц.] расположен памятник д-ру геол.-минер. наук Г.С. Чикрызову, сохранившийся с советского времени. Все опрошенные в Ангрене русскоязычные респонденты различных возрастов помнят, что Г.С. Чикрызов является первооткрывателем ангреновского месторождения угля.

Остальные улицы города, в основном, переименовали, но при этом жители демонстрируют безразличие к изменению названий улиц. Интересен тот факт, что в Ангрене популярен частный извоз, которым подрабатывает значительная доля мужского населения. Большая часть таксистов в качестве ориентиров оперирует и использует старые советские городские символы («в доме, где был магазин ГУЛЬНОРА», «паспортный стол у Ангренторга», «квартал 5/3, в доме у Тахира» и др.) и прежние названия улиц. Данный факт указывает на то, что для обывателей Ангрена, вне зависимости от социокультурной идентичности (европейская или национальная), от языка общения и возраста наиболее «рабочими» вариантами остаются прежние советские названия.

Наиболее показательным является пример с переименованием улицы Мариничева, разделяющей кварталы 5/1а и 5/1б и огромное поле, примыкающее к парку в квартале 5/4. Эта улица была переименована еще в 1990-е гг., но все жители до сих пор используют прежнее название, даже вчерашние выходцы из близлежащих сельских населенных пунктов, которые слабо владеют русским языком, быстро запоминают именно старые советские символы и не знают, что официально улица Мариничева давно переименована в Бахт. При этом осталось совсем немного старожилов, кто вспомнит, что Федор Мариничев приехал в Ангрена в составе 22 донбасских шахтеров в начале 1940-х гг., возглавлял участок шахты № 1. В 1946 г. Ф.И. Мариничев стал председателем исполкома городского Совета народных депутатов²⁶. Его имя прочно вписано в городскую среду Ангрена и не поддается «практике забывания».

Вне политики оказалось имя легендарного главного врача первой городской больницы № 1 Иосифа Борисовича Флейшмахера, который заложил основы медицинского дела в Ангрене в 1960-е гг. В постсоветский период возле входа в больницу установлена памятная доска, которая увековечила память заслуженного врача.

Подводя итог, необходимо отметить, что спустя 29 лет после распада СССР центрально-азиатские республики по-прежнему преодолевают наследие советской эпохи. В Узбекистане удалось провести символическую черту между советским периодом и эпохой Мустакиллик (Независимость), дать оценку наиболее одиозным страницам советского периода (например, репрессии 1930-х гг.). Политика памяти является важным элементом формирования национальной идеологии. При этом в каждом городе существует многоголосая социальная память, память «снизу», свидетельствующая о том, что у старожилов присутствует альтернативный взгляд на недавнее прошлое, которое не всегда совпадает с официальной трактовкой совет-

²⁵ Полевые материалы автора 2013. Республика Узбекистан, Ангрена. 3., 71 г., татарка, пенсионер, среднее специальное образование, медицинский работник.

²⁶ Костецкий В., Убайдуллаев А. Город из легенды. Ангрена, 1996. С. 54.

ской истории. По социально-экономическим и культурным аспектам у старожилов прослеживается ностальгия об ушедшем времени, что косвенно указывает на сложности адаптации респондентов к реалиям современной действительности. Адаптация населения к десоветизации пространства, выражающейся в переименовании улиц, происходит крайне медленно. При этом необходимо учитывать, что социальная память исчезает со сменой поколения. Насколько узбекское общество преодолело советское наследие, покажут установки и знания молодого поколения об «эпохе социализма», что требует дальнейшего изучения в рамках комплексных исследований.

Литература

Абашин С.Н. Мустакиллик и память об имперском прошлом: проходя по залам ташкентского Музея памяти жертв репрессий // Неприкосновенный запас. 2009. № 4 (66). С. 37–54.

Абашин С.Н. Узбекистан после СССР // Звезда. 2015. № 8. URL: <https://magapizines.gorky.media/zvezda/2015/8/uzbekistan-posle-sssr.html> (дата обращения: 26.07.2020).

Абрамов Р.Н. Музеефикация советского: историческая травма или ностальгия? // Человек. 2013. № 5. С. 99–111.

Даудов А.Х., Алимжанов Б.А., Андреев А.А., Шорохов В.А., Янченко Д.Г. Государственная политика идентичности в Узбекистане в позднесоветское время в эпоху независимости // Этнографическое обозрение. 2018. № 5. С. 146–161.

История новых городов Узбекистана: Ташкентская область / отв. ред. Г.Р. Рашидов. Ташкент: Фан, 1976. 256 с.

Исхаков Ф. Центральная Азия и Россия в XVIII – нач. XX в. Ташкент: OzDAVMATVBUOTLITI, 2009. 292 с.

Калинин И. Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2010. № 6 (74). С. 6–16.

Костецкий В., Убайдуллаев А. Город из легенды. Ангрэн: Изд-во «Наврӯз», 1996. 148 с.

Муртазаева Р. Толерантность как интегрирующий фактор в многонациональном Узбекистане. Ташкент: Узбекистан, 2010. 152 с.

Топоркова О. Россия и Германия: ностальгия по социалистическому прошлому // Современная Европа. 2012. № 1. С. 74–85.

Ушакин С. Отстраивая историю: советское сегодня // Неприкосновенный запас. 2011. № 6 (80). С. 10–16.

Цыряпкина Ю.Н. Русскоязычное население Ташкентской области в условиях «национализирующегося государства» (на примере г. Ангрена) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-2 (80). С. 98–103.

Цыряпкина, Ю.Н. Роль русского языка в ходе индустриализации советской Средней Азии (на примере Ташкентской области) // Казанская наука. 2015. № 6. С. 48–50.

Bartmanski D. Successful Icons of Failed Time: Rethinking Post-Communist Nostalgia // Acta Sociologica. 2011. Vol. 10. No. 3. No. 54. P. 71–78.

Berdahl D. On the Social Life of Postsocialism: Memory, Consumption, Germany. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 2010. 166 p.

Eglitis D., Ardava L. The Politics of Memory: Remembering the Baltic Way 20 Years after 1989 // Europe-Asia Studies. August 2012. No. 64 (6). P.1033–1059.

References

Abashin, S.N. (2009). Mustakillik i pamat ob imperskom proshlom: prokhodya po zalam tashkentskogo Muzeya pamyati zhertv repressiy [Mustakillik and the memory of the imperial past: walking through the halls of the Tashkent Museum of memory of victims of repression]. In *Neprikosnovennyu zapas*, No. 4 (66), pp. 37–54.

Abashin, S.N. (2015). Uzbekistan posle SSSR [Uzbekistan after USSR]. In *Zvezda*. No. 8. Available at: <https://magaPIIzines.gorky.media/zvezda/2015/8/uzbekistan-posle-sssr.html> (data of access: 26.07.2020).

Abramov, R.N. (2013). Muzeifikatsiya sovetskogo: istoricheskaya travma ili nostalgija? [Museification of the Soviet: Historical Trauma or Nostalgia]. In *Chelovek*. No. 5, pp. 99–111.

Bartmanski, D. (2011). Successful Icons of Failed Time: Rethinking Post-Communist Nostalgia. In *Acta Sociologica*. Vol. 10, No. 3, No. 54, pp. 71–78.

Berdahl, D. (2010). On the Social Life of Postsocialism: Memory, Consumption, Germany, Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press. 166 p.

Daudov, A.H., Alimzhanov, B.A., Andreev, A.A., Shorokhov, V.A., Yanchenko, D.G. (2018). Gosudarstvennaya politika identichnosti v Uzbekistane v pozdnesovetskoe vremya v epokhu nezavisimosti [The State Policy of Identity in Uzbekistan during the Late Soviet Period and the Age of Independence]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 5, pp. 146–161.

Eglitis, D., Ardava, L. (2012). The Politics of Memory: Remembering the Baltic Way 20 Years after 1989. In *Europe-Asia Studies*, No. 64 (6), pp. 1033–1059.

Iskhakov, F. (2009). *Tsentralnaya Aziya i Rossiya v XVIII – nach. XX v.* [Central Asia and Russia in 18th – beginning 20th century]. Tashkent, OzDAVMATBUOTLITI. 292 p.

Kalinin, I. (2010). Nostalgicheskaya modernizatsiya: sovetskoe proshloe kak istoricheskiy gorizont [Nostalgic modernization: the Soviet past as a historical horizon]. In *Neprikosnovennyi zapas: Debaty o politike i kulture*. No. 6 (74), pp. 6–16.

Kostetskiy, V., Ubaydullaev, A. (1996). *Gorod iz legendy* [City from a legend]. Angren, Navruz. 148 p.

Murtazaeva, R. (2010). *Tolerantnost kak integriruyushchiy faktor v mnogonatsionalnom Uzbekistane* [Tolerance as an integrating factor in multinational Uzbekistan]. Tashkent, Uzbekistan. 152 p.

Rashidov, G.R. (ed.) (1976). *Istoriya novykh gorodov Uzbekistana: Tashkentskaya oblast* [History of new cities of Uzbekistan: Tashkent region]. In *Fan*. Tashkent. 256 p.

Toporkova, O. (2012). Rossiya i Germaniya: nostalgija po sotsialisticheskomu proshlomu [Russia and Germany: nostalgia for the socialist past]. In *Sovremennaya Evropa*. No. 1, pp. 74–85.

Tsyryapkina, Yu. (2013). Russkoyazychnoe naselenie Tashkentskoi oblasti v usloviyakh “natsionaliziruyushchegosya gosudarstva” (na primere g. Angrena) [The Russian-speaking population of the Tashkent region in the conditions of the “nationalizing state” (the case of city Angren)]. In *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4-2 (80), pp. 98–103.

Tsyryapkina, Yu. (2015). Rol russkogo yazyka v khode industrializatsii sovetskoi Srednei Azii (na primere Tashkentskoi oblasti) [The role of the Russian language in the industrialization of Soviet Central Asia (the case of the Tashkent region)]. In *Kazanskaya nauka*. No. 6, pp. 48–50.

Ushakin, S. (2011). Otstraivaya istoriyu: sovetskoe segodnya [Building history: Soviet today]. In *Neprikosnovennyi zapas*. No. 6 (80), pp. 10–16.

Статья поступила в редакцию 12.07.2020 г.